

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

В ЖАНРЕ МИНИАТЮРЫ

Известный советский писатель Леонид Сергеевич Ленч написал документальную книгу «Московское равноденствие», в которой собраны рассказы о его творческой юности, о встречах с известными писателями, актерами, режиссерами.

Публикуем главу из новой повести.

Я НЕ ОСВЕДОМЛЕН, в какой плоскости шли споры на эту тему во времена Шекспира, но знаю, что такие споры идут и в наше время: кто есть кто в искусстве театра — в смысле, кто самый главный в нем: драматург, режиссер или актер?

Отдавая должное драматургу — создателю литературной основы спектакля и его архитектору-истолкователю — режиссеру, я бы все-таки пальму первенства отдал актеру. Ведь пьеса, поставленная на сцене, превращается в необычный литературный феномен: ее разыгрывают для зрителей живые люди — образы со своими индивидуальными чертами и черточками. Они настолько прочно входят затем в наше сознание, что отделить образ от актера-исполнителя вы не можете. Возьмите хотя бы Бывалова в «Волге-Волге» и его повторение — Огурцова в «Карнавальной ночи» или М. Бабанову в «Тане» А. Арбузова. Бывалов — Огурцов должен быть именно таким, каким его сыграл Игорь Ильинский, и героиня «Тани» — это, конечно, молодая Бабанова, с ее колючим голосом, в театре Революции, а не кто-либо другой.

Отсюда следует вывод: как важно для драматурга иметь свой театр, то есть такой, где его ценят, понимают и чувствуют актеры.

Я могу назвать два таких театра, где мне посчастливилось наладить творческие контакты с его актерами и режиссерами: Театр имени Моссовета и Московский театр эстрады и миниатюр — старый Театр миниатюр, а не тот, который действует сейчас в саду «Эрмитаж».

В Театре имени Моссовета, которым многие годы руководил такой блистательный художник сцены, каким был Юрий

Александрович Завадский, были поставлены мои пьесы: «Павел Греков» (она написана совместно с Б. Войтехом в 1938 г., поставил ее Завадский в Ростове-на-Дону еще до Великой Отечественной войны), сатирическая комедия «Большие хлопоты» (режиссер А. Шапс) и комедия М. Зарудного «Рим 16, до востребования» в моем переводе и в моей редакции для русской сцены (режиссер А. Зубов).

О Московском театре эстрады и миниатюр хочу поговорить более подробно и обстоятельно. Он был создан в 1939 году, его главным режиссером и художественным руководителем стал Виктор Яковлевич Типот. Опытный мастер комедийного жанра в малых формах, драматург и переводчик, В. Типот перевел на русский язык с украинского знаменитую оперетту «Свадьба в Малиновке», и ее затем поставили буквально все русские театры оперетты.

Театр эстрады и миниатюр получил хорошее помещение на улице Горького рядом с кафе «Националь» — теперь здесь работает Драматический театр имени М. Н. Ермоловой. Типот пригласил меня на первое организационное совещание будущих авторов театра, хотя на моем эстрадном счету числились всего лишь две эстрадные сценки. Но зато были рассказы, которые читались со сцены такими мастерами, как В. Хенкин и О. Абдулов!

В первую программу театра был включен пролог, действие в нем происходило в театральном буфете, а буфетницу играла Рина Зеленая. Забегая вперед, скажу, что сыграла она свою роль, как всегда, превосходно, очень смешно, точно и вместе с тем неожиданно. А я, как один из авторов пролога, впервые понял и разобрался в сложной технологии написания

эстрадной репризы. В «Прологе» буфетницу — Рину Зеленую — недовольные покупатели спрашивали: «Из чего у вас сделаны эти пирожные?» Буфетчица на полном серьезе отвечала: «Из наполеона!» Зрительный зал взрывался от хохота, и я сидел где-то в шестом ряду и недоумевал: почему они так смеются над этой, в сущности, небогатой моей остроткой?

Рина Васильевна Зеленая стала моим близким другом. Она играла еще в одной моей сценке-шутке «Одну минуточку!», поставил ее в театре новый художник, сменивший Типота, Борис Петкер — артист МХАТа, признанный мастер эпизода в этом прославленном театре.

Вся соль «Минуточки» заключалась в том, что Рина Зеленая, игравшая роль зубного врача в поликлинике, поминутно отвлекалась от своей работы и, бросив пациенту, сидевшему с разинутым ртом в ее зубообрабатывающем кресле: «Одну минуточку!», вела длинные телефонные разговоры по всяким своим домашним и местковым делам. Потом она возвращалась к несчастному — с раззятым ртом! — пациенту и снова после очередного звонка хватала телефонную трубку и произносила свою сакрентальную фразу: «Одну минуточку!»

Помню, что мы втроем — Петкер, Рина Васильевна и я — долго мучились над финалом сценки. В конце концов придумали такой: измученный пациент сам себе вырвал зуб и, шатаясь, уходил со сцены. Но такой финал по-настоящему правдиво и смешно, несмотря на всю его гротескность, играл только один артист — молодой Райкин. Он приезжал на гастроли из Ленинграда в Москву в наш театр и охотно с блеском исполнял эту роль без слов.

Так же плодотворен и незабываем был для меня и творческий контакт с другой выдающейся артисткой Московского театра миниатюр — Марией Владимировной Мироновой. Она

начала свою сценическую карьеру с работы в МХАТе-2, а затем — по «зову сердца» — ушла на эстраду, где быстро завоевала признание зрителей.

Мария Владимировна отличалась (и отличается) поразительной наблюдательностью. Она — настоящий реалист в своем искусстве. Когда она, бывало, прочитывала новую маленькую комедию или сценку, где ей отводилась интересная для нее роль, она с какой-то немалой даже хищной улыбкой многозначительно говорила: — Я буду играть такую-то. Она называла при этом фамилию вполне реальной женщины. Но, разумеется, играла Миронова не совсем эту женщину — та была лишь основой образа, другие черточки ее характера и внешности Мария Владимировна доводила.

Мария Миронова и Рина Зеленая — обе знали и понимали, что такое зримая деталь во внешнем облике их сатирических персонажей. У Зеленой в «Минуточке» это были застегнутые ботинки (при белом халате), которые она не снимала, видимо, потому, что как-то «минуточку» готова была убежать из кабинета на улицу по одному из своих неотложных дел. А у Мироновой — хотя бы ее грим и прическа в моей сатирической сценке «Святая правда». В этой сценке она играла роль безграмотной до зоологических пределов руководительницы некоего условно-хозяйственного учреждения, где всю работу за нее выполняет ее грамотный заместитель. В то время такие руководители еще существовали в жизни, хотя их уже и вытесняли новые хозяйственные кадры, молодые специалисты своего дела. Миронова играла свою роль в «Святой правде» под непрерывный хохот зрителей.

Я любил еще яркий и очень демократичный талант Татьяны Ивановны Пельтгер, тоже работавшей тогда в Московском театре миниатюр.

В моей комедии «Мимолетное виденье», поставленной во вре-

мя Великой Отечественной войны А. М. Лобановым, она играла роль московской управдомши. Юмор этой роли был в том, что «управдомша» презирала мужчин, оставшихся в тылу, и когда она угрожала мужчине — персонажу комедии — оружейному конструктору: «Гражданин, я вас бросаю на дрова!» (т. е. на разгрузку дров), это было очень смешно.

Любой театр живет всегда беспокойно, в его жизни происходят разные инциденты, иногда комические, иногда драматические. Об одном таком инциденте я хочу здесь рассказать, а к какому виду инцидентов он относится — пусть судит читатель.

Однажды к директору Московского театра эстрады и миниатюр, пожилому добродушному толстяку, сидевшему у себя в кабинете и не знавшему, чем себя занять (у него был толковый работающий заместитель), пришел заведующий труппой театра и доложил, что артист — назовем его Борисом Ивановичем — пришел в театр «еле можаху», сел у себя в уборной в кресле и уснул. Что делать?!

Директор стукнул пухлыми кулачками по столу и сказал: — Так разбудить!

Бориса Ивановича разбудили, и он вышел на сцену, чтобы играть роль старика профессора в моей комедии «Заместитель». По роли он должен был сидеть в кресле и вести комический диалог со своей домработницей, роль которой исполняла М. В. Миронова.

Как только Борис Иванович сел в глубокое и очень удобное кресло, он тут же снова уснул! Надо было быть Мироновой, чтобы не растеряться в подобной драматической ситуации. Как она ухитрилась превратить диалог в монолог, она потом и сама не могла объяснить.

Опустился занавес — Борис Иванович продолжал спать в своем кресле на сцене. А Миронова вышла за кулисы и рас-

плакалась — дало себя знать страшное нервное перенапряжение.

Московский театр миниатюр работал с большим успехом. Его спектакли, в особенности премьеры, всегда шли с аншлагом. А как к нему относилась критика? — могут меня спросить.

«Большая» критика не снисходила к тому, чтобы оценить его работу, и газетные рецензенты иногда выдавали ему и нелепые зуботычины.

Разное бывало! Но не могу, конечно, не вспомнить, как весь театр радовался, когда Валентин Катаев опубликовал в «Правде» очень умную, подерживающую театр статью, в которой нашлись добрые слова и в адрес моего «Заместителя».

После преждевременной смерти А. М. Лобанова (он руководил театром, будучи одновременно художником Театра имени М. Н. Ермоловой!) Московский театр эстрады и миниатюр пришел в упадок. Правда, обозрение В. Масса и М. Червинского «Где-то в Москве» имело некоторый успех, но потом новый руководитель театра задумал превратить его во второй театр оперетты в Москве и, естественно, потерпел фиаско. Театр к тому же потерял свое помещение на улице Горького и перестал существовать.

Прошли годы, и мне (да и не только мне) стало «беспощадно ясно», что это был лучший советский театр в своем жанре, сумевший создать социально острый сатирический репертуар.

— А что такое сатирическая комедийная миниатюра? — спросите вы.

Извольте, ответу: она похожа на сильную молнию, способную осветить под гром аплодисментов вспышкой яркого света самые темные, самые потаенные уголки жизни, где как раз и таится всякая опасная для советской жизни дрянь.